

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

АЛЕКСАНДР ГЕРЦЕН И СУДЬБЫ РОССИИ

Круглый стол в редакции журнала «Вестник ВятГГУ», февраль 2012 года

Ведущий: докт. филос. наук, проф. М.И. Ненашев

А.Ю. Внутских

Круглый стол «Александр Герцен и судьбы России» был приурочен к 200-летию юбилею русского философа и общественного деятеля Александра Ивановича Герцена. Массовый советский и российский читатель знал этого замечательного и многогранного мыслителя главным образом как представителя революционно-демократического направления, что, вероятно, и послужило причиной настороженного отношения к его творческому наследию начиная с начала 90-х гг. прошлого века. К счастью, этот период, похоже, закончился — и данное мероприятие в редакции журнала «Вестник ВятГГУ» является ярким тому подтверждением.

Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой истории русской философии философского факультета МГУ **М.А. Маслин** (Москва) выступил с докладом «Философия А.И. Герцена сегодня. К 200-летию юбилею великого мыслителя». Отметив неослабевающий интерес в мире к истории русской философии, к философии А. Герцена в частности (к известным зарубежным исследователям его творчества можно отнести, например, И. Берлина и А. Келли), докладчик особо подчеркнул «влияние идей Герцена на *русское общество в целом*, включая не только радикальную, но и либеральную и консервативную его части». По его мнению, схему революционного демократизма следует считать слишком односторонней для оценки философских идей Герцена. Для философского анализа более интересен его «собственный философский опыт», прежде всего связанный с темой личности и свободы, на что указывал в свое время

В.В. Зеньковский. Докладчик отметил, что наиболее важной задачей современного изучения творчества Герцена является его «философская реабилитация», предполагающая обращение к его собственно философскому содержанию, не подменяемому какими-либо односторонними «политизациями»¹.

В выступлении кандидата философских наук, доцента кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов **Е.С. Гревцовой** (Москва) «А.И. Герцен: двуликий Янус и двуглавый орел» также подчеркивалась важность для непредвзятого изучения творчества Герцена анализа его ретроспективного отношения к славянофильско-западническим дискуссиям 30–40-х гг. XIX в., а также работ периода эмиграции, посвященных социально-философской проблематике, вопросам философии истории, философии культуры и теории цивилизации. По мнению докладчика, «главным недостатком советского герценоведения было то, что его философские идеи интерпретировались в качестве некоего бессознательного придатка... к марксизму. Но к марксизму Герцен не имел никакого отношения. Маркса он считал неисправимым доктринером, чьи идеи к России неприложимы»². В ходе своей творческой эволюции и знакомства с жизнью Европы периода революции 1848 г. Герцен отошел не только от революционно-демократических идей, но и от гегелевской диалектики. Однако то, что в герценоведении традиционно было принято называть «духовной драмой», «духовным крахом» Герцена, по

Внутских Александр Юрьевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии, заместитель декана философско-социологического факультета по научно-исследовательской работе; Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; fsf-nir@yandex.ru.

мнению докладчика, следует рассматривать как его «духовное прозрение».

Л.Е. Моторина, профессор кафедры философии факультета социального инжиниринга Московского авиационного института (Москва), в своем выступлении «Антропологические взгляды А.И. Герцена» отметила, что, с одной стороны, Герцен возвышает человека над природой и историей, с другой — выводит человека из природы. При этом только в деятельности человека, по его мнению, формируется личность, то ее «внутреннее ядро», определяющее отношение человека к жизни. «Внешние» деяния личности, согласно Герцену, должны соответствовать духовным, нравственным, душевным возможностям *человека внутреннего*, ибо «нельзя людей освободить в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри»³. Тяжелые личные обстоятельства 40-х гг. начинают окрашивать антропологию Герцена в трагические тона философии случайности. Однако, как отметил докладчик, согласно Герцену потребность спасти нечто свое из вихря случайности развивается у человека вместе с его сознанием; это есть чувство своего достоинства и стремление сохранить нравственную самобытность своей личности при любых внешних обстоятельствах⁴.

Доктор философских наук, профессор кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов **С.А. Нижников** (Москва) выступил с докладом «Герцен — разочарованный западник». Отметив также существенную односторонность оценки творчества этого мыслителя в советском герциноведении, он подчеркнул, что и однобоким западником его назвать сложно. Дискутируя со славянофилами, Герцен высоко ценил А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова⁵. В конце же своего спора со славянофилами он осознал, что у двух противоборствующих течений есть «открытое поле для примирения» — теория социализма, которая разделила Европу, а в России соединила западников и славянофилов. Кроме того, докладчик отметил, что само отношение Герцена к западной цивилизации менялось в процессе его внутреннего развития и жизненного опыта: пожив в Европе, Герцен давал такую критику западному обществу и человеку, на которую осмеливались не все славянофилы.

Он даже утверждал, что ни о каком развитии личности в западных условиях не может быть и речи, ибо не личность уже там главное, а «товар, дело, вещь, главное — *собственность*», и «все, лежащее вне торговых оборотов и “эксплуатации” своего общественного положения, не *существенно*». Согласно Герцену, даже протестантская религия не избежала на Западе общей участи, примирив совесть христианина с деяниями ростовщика. Кроме того, докладчик отметил, что от принятия детерминистической гегелевской философии как «алгебры революции» Герцен перешел к осознанию того, что «в природе и истории много случайного, глупого, неудавшегося, спутанного». После насилия 1848 г. он уже не верил и в целесообразность революционного действия и выступал противником любого террора⁶.

В выступлении «По страницам философской публицистики А.И. Герцена» кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии факультета философии и культурологии Вятского государственного гуманитарного университета **Е.Ф. Владыкина** (Киров) также отметила, что Герцен во многих существенных пунктах примыкал к концепции славянофилов. Причем уникальность, даже «странность» русской истории мыслитель видит в сочетании мужества, силы, ума с пассивным равнодушием, которым постоянно пользуются правящие классы. Докладчик далее подчеркнула, что события 1848 г. в Европе «приведут Герцена к спору с самим собой. Этот “спор” умалит его восхищение перед Западом, обнаружит мещанскую составляющую западной цивилизации, сместит некоторые акценты его исторической концепции, утвердит в идее “русского социализма” и необходимости “построяющих идей” с развитым народным сознанием; с сознанием, рожденным “внутри”, а не за счет изменений наружной жизни»⁷. Вместе с тем Герцен понимал, что Россия уже вступила на путь, пройденный Европой, — путь от культуры к цивилизации, путь обуздания. Симптомы и последствия этого процесса Герцен почувствовал одним из первых, и в этом смысле он может считаться провозвестником многих идей выдающихся европейских исследователей «неподлинного бытия» — Мартина Хайдеггера, Жан-Поля Сартра, Альбера Камю, Хосе Ортеги-и-Гассета.

Т.А. Горюнова, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и социологии факультета философии и культурологии Вятского государственного гуманитарного университета (Киров), выступила с докладом «Мировоззрение А. Герцена в отражении русской религиозной мысли». Она подчеркнула, что Герцен остается одной из противоречивейших фигур русской философии. Образ Герцена-революционера, писателя и общественного деятеля заслонил трагическую личность Герцена-мыслителя, к идеям которого обращались такие разные философы, как П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, К.Н. Леонтьев, Н.А. Бердяев, Г.В. Плеханов, Г.Г. Шпет. По мнению докладчика, необходимо «переоткрытие» многогранного философского опыта Герцена, в том числе изучение оценки его социально-философских исканий в русской религиозной мысли. Так, Н.Н. Страхов отмечал, что для Герцена социализм представляет собой нравственный идеал, однако неосуществимый в отрыве от религии. Анализируя эволюцию западных взглядов Герцена, Страхов выделял несколько этапов: идеализация Запада и отречение от своего русского, отказ от западных идеалов и в итоге духовное опустошение, но в то же время очищение от предубеждений, в результате которого у писателя пробуждается вера в Россию. Однако преодолеть разрыв с родной почвой для него оказалось невозможно. По мнению докладчика, С.Н. Булгаков в своих размышлениях о мировоззрении А.И. Герцена продолжает линию, начатую Н.Н. Страховым. Называя его «умственным мещанином», «резонером здравого смысла» и «позитивистом», Булгаков вместе с тем пишет о мучительных поисках Герцена, в которых он сближается с Иваном Карамазовым. В итоге так и не признав высшее начало и религию, Герцен все же, по мнению Булгакова, остается религиозным искателем, кружным, отрицательным путем идет к Достоевскому и Соловьеву⁸.

В выступлении ведущего круглого стола, доктора философских наук, профессора каф. философии и культурологии Вятского государственного гуманитарного университета **М.И. Ненашева** (Киров) «О диалектике Герцена и диалектике вообще» исследовалась диалектическая составляющая работ Герцена «Письма об изучении природы» и «Дилетан-

тизм в науке», которая, по его мнению, представляется уязвимой с современной точки зрения. Согласно Герцену, любые философские позиции, взятые в своей отдельности, не являются истинными, пока их не начинают рассматривать в единстве. К сожалению, по Герцену, философы и представители науки часто предпочитают оставаться в рамках возложенной на себя системы, отказываясь видеть тенденцию к отрицанию и снятию собственных положений в ходе процесса построения истины.

Однако, по мнению М.И. Ненашева, «история философии совершенно не случайно, но необходимым образом движется через оппозиции идеализма и материализма, эмпиризма и рационализма, которые диалектическому уму кажутся лишь односторонними выражениями единого взгляда на процесс познания истины. Допустим на минуту, что философии Бэкона и Декарта действительно являются односторонними выражениями единого взгляда. Тогда мы должны признать, что можно построить, по крайней мере в принципе, некое *непрерывное* движение мысли от Бэкона к Декарту и обратно. Но ведь очевидно, что нельзя, непрерывно двигаясь от Бэкона, прийти к Декарту. Эта невозможность непрерывного движения от одной позиции к другой и обратно означает их несоизмеримость и невыразимость друг через друга. Их можно понять лишь в качестве самостоятельных миров, которые бессмысленно мерить общей мерой, так же как говорить об их якобы заблуждениях и крайностях <...> невозможность диалектического снятия означает дискретность языков и культур, а значит и философских концепций»⁹. Таким образом, по мнению М.И. Ненашева, диалектический подход, «в плену» которого оказался молодой Герцен, соответствует исключительно континуальным представлениям и полностью исключает представления о дискретности бытия, о дискретности философского дискурса. На наш взгляд, с этим трудно согласиться: не только теория, но и практика свидетельствуют, что движение творческой мысли осуществляется на фундаменте диалектической «триады»¹⁰. Хотя, разумеется, никакая диалектика не оправдывает претензий на монопольное и вечное владение истиной.

Доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и рекламы факультета

философии и культурологии Вятского государственного гуманитарного университета **Н.О. Осипова** (Киров) выступила с докладом «А. Герцен: эхо “другого берега”». По ее мнению, новые ориентиры герценоведения связаны как с отказом от тенденциозности в оценке культурного наследия России, так и с новыми «вызовами» эпохи, ответ на которые мы обнаруживаем в историко-философских концепциях прошлого. На взгляд докладчика, «есть некий парадокс в том, что статья В.И. Ленина «Памяти Герцена», «расташенная на цитаты» и породившая стереотипы партийности, тем не менее, очень точно определила место Герцена в типологии общественного движения России. Если дистанцироваться от политической интенции ленинской статьи, то феномен Герцена аккумуляровал в себе основные векторы интеллектуальной истории России — яркой, противоречивой, отражающей специфику национального сознания и национальной культуры как системы «бинарных структур»¹¹. По словам докладчика, стремление к противоборству и установлению различий между двумя полюсами — неотъемлемая особенность российской культуры, унаследованная от Византии. Типичным персонологическим феноменом подобного парадокса и являлся тип Герцена. Однако, со ссылкой на И. Берлина, докладчик подчеркивает, что именно «Былое и думы» Герцена оказываются той границей, на которой происходит синтез ментальностей в поисках единства и целостности русской культуры. Показателен в этом отношении интерес к творчеству Герцена мыслителей русской эмиграции XX в.

В заключение круглого стола профессор **М.А. Маслин** подчеркнул, что все участники дискуссии главным образом были нацелены на пересмотр застарелых стереотипов в оценке философии Герцена. По его мнению, эта проблема имеет исключительно важное, если не центральное значение для современной истории философии. «Сегодня особенно важно показать принадлежность Герцена *всей русской философии, а не каким-то ее отдельным направлениям*. На мой взгляд, это было главное, что прозвучало на круглом столе, посвященном 200-летию со дня рождения Герцена»¹².

На наш взгляд, о важности непредвзятого изучения наследия Герцена на этом круглом столе было сказано достаточно и вполне спра-

ведливо. Его участники акцентировали внимание главным образом на позднем периоде творчества нашего великого соотечественника, который в советском герценоведении действительно был освещен явно недостаточно. Между тем, именно «поздний» Герцен оказал существенное влияние на таких крупных русских мыслителей, как Ф.М. Достоевский, К.Н. Леонтьев, Н.Н. Страхов, Г.В. Флоровский. В этом, без сомнения, состоит большая заслуга участников и организаторов данного мероприятия. Однако, на наш взгляд, работа в рамках круглого стола, посвященного Герцену, исследователей марксистской ориентации сделала бы дискуссией более яркой, а главное, восполнила бы ее очевидный пробел — недостаточную представленность революционно-демократического периода его творческого пути. В какой-то мере исключением стали только выступления Л.Е. Моториной, С.А. Нижникова и Е.Ф. Владыкиной. Не хотелось бы, чтобы ситуация замалчивания или сугубо критического отношения к отдельным сторонам творчества А.И. Герцена повторилась — но на этот раз «с точностью до наоборот». Видимо, А.И. Володин прав: Герцен это действительно очень «неудобный мыслитель», про которого исследователю любой ориентации рано или поздно приходится сказать, что, мол, «из песни слова не выкинешь»... Но тем более важно проследить весь творческий путь этого самобытного философа *в целом*, также специально исследуя глубинные и непосредственные причины радикальных изменений его мировоззрения в формате столь важного в наше время диалога представителей разных «парадигм»¹³. На наш взгляд, только в этом случае герценовское наследие может быть оценено по достоинству и сможет принести реальную пользу при осмыслении прошлого и будущего России, которую и «ранний», и «поздний» Герцен так искренне любил.

Примечания

1. *Александр Герцен и судьбы России* (материалы «круглого стола») // Вестн. Вят. гос. гуманит. ун-та. 2012. №1. С.9–13.
2. Там же. С.14.
3. *Герцен А.И.* Собрание сочинений в 30 т. М.: Наука, 1960. Т.20. С.590.
4. *Александр Герцен и судьбы России...* С.15, 16.

5. *Герцен А.И.* О развитии революционных идей в России // Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1986. Т.2. С.153.
 6. *Александр Герцен* и судьбы России... С.17, 18.
 7. Там же. С.19.
 8. Там же. С.19–21.
 9. Там же. С.22.
 10. *Рочев С.С.* Трансдуктивная концепция творческого мышления // Вестн. Перм. нац. иссл. политех. ун-та. Культура. История. Философия. Право. 2011. №4. С.4–11.
 11. *Александр Герцен* и судьбы России... С.23.
 12. Там же. С.26.
 13. *Курбатова Л.В.* О способности к диалогу // Вестн. Перм. нац. иссл. политех. ун-та. Культура. История. Философия. Право. 2011. №4. С.12–16.
-

ALEXANDER HERZEN AND FATES OF RUSSIA

Conference in editors office of Viatka State University of Humanities Vestnik.

Moderator: Dr., Prof. M.I. Nenashev

Aleksandr Y. Vnutskikh

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia